

Экономическая эволюция стран Востока и Запада в ретроспективе¹

Ушедшее тысячелетие оставило много нерешенных экономических, социальных, экологических и других проблем, а также массу неразгаданных загадок. Так, далеко не ясно, когда, почему и как одни страны, ныне развитые, а в далеком прошлом очень бедные, периферийные, сумели встать на путь современного экономического роста. Другие, в прошлом более богатые страны Востока и Юга, имевшие солидную историческую фору, разнообразные природные ресурсы, бесспорный приоритет во многих технологических и культурных **инновациях** (например, Китай), отстали в своем развитии. Остается до конца непонятным, когда и почему началось отставание стран Востока и Юга, в каких формах оно реализовалось, было ли оно абсолютным или относительным.

Несмотря на множество публикаций и исследований, по-прежнему неясно, почему одни страны (в частности, Тропической Африки) после нескольких десятилетий самостоятельного развития едва ли сколько-нибудь существенно увеличили свой душевой ВВП. В то же время другие развивающиеся государства, включая **новые индустриальные страны** (НИС) — Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южную Корею, а также такие гиганты, как Китай, Индия и Бразилия, в целом стремительно

¹ В гл. 2 использованы материалы д.э.н. В.А. Мельянцева

наращивают хозяйственный потенциал, диверсифицируют структуру своей экономики.

Ответы на эти вопросы могут способствовать лучшему пониманию или решению наиболее актуальных проблем современной мировой экономики.

2.1. Доиндустриальная эпоха

Страны Востока добились в прошлом значительных экономических результатов. Это объясняется освоением в ходе длительного исторического развития "природной машины", ряда технологических и организационных инноваций, а также опорой на накопленный веками и тысячелетиями потенциал культуры, опыта и знаний. По показателям душевого ВВП, урожайности зерновых, уровня урбанизации, средней продолжительности жизни ханьский Китай, возможно, в целом опережал Римскую империю эпохи раннего принципата.

Расчеты по танско-сунскому Китаю (750—800/1050—1100 гг.) показывают, что значительный для традиционной экономики хозяйственный рост (среднегодовые темпы прироста ВВП составили 0,35—0,45% и душевого ВВП — 0,15—0,25%) был связан не только с количественными затратами основных производственных ресурсов, но и в немалой мере (на 25—35%) с действием интенсивных факторов.

Рассматриваемый период был отмечен широким распространением технических изобретений, многие из которых появились в Европе (частично они были заимствованы с Востока) лишь спустя 300—500—1000 лет, прогрессом в накоплении знаний (изобретение книгопечатания), повышением грамотности населения, бурным инфраструктурным строительством, активизацией товарно-денежных отношений, внутренней и внешней торговли, некоторым, хотя, разумеется, и не всесторонним, развитием частного предпринимательства и инициативы земледельцев, ремесленников, купцов, чиновников и ученых. По имеющимся оценкам, в Китае в XII в. доля занятых в аграрном секторе экономики, возможно, понизилась до 2/3.

Все это позволяет предположить, что ряд важных признаков и предпосылок перехода от преимущественно экстенсивного к экстенсивно-интенсивному типу экономического роста впервые обнаружился не в западноевропейских странах в усло-

виях промышленной революции, как это нередко до сих пор считалось, а на Востоке, в Китае (возможно, не только в Китае), на рубеже первого и второго тысячелетий, т. е. за многие сотни лет до начала "промышленного рывка" в странах Запада. Об этом качественном изменении в развитии производительных сил стран Востока не следует забывать в контексте общих рассуждений об относительной застойности экономических систем "восточного феодализма" (деспотизма), или **азиатского способа производства**.

К началу второго тысячелетия страны Востока (Китай, Индия, Египет) достигли в целом по меньшей мере двукратного (а Китай, возможно, трехкратного) превосходства в уровнях экономического развития по сравнению с Западом.

Вопреки некоторым представлениям в первые семь-восемь исков второго тысячелетия в ряде ведущих стран и регионов Востока, за исключением Передней Азии и Северной Африки, продолжался абсолютный рост ВВП. Однако ввиду более высоких темпов увеличения численности населения (в 1000—1800 гг. в Индии и Китае — соответственно в 3 и 5 раз) душевая величина ВВП обнаружила тенденцию к сокращению. И тем не менее Запад сумел догнать Восток по уровню душевого ВВП лишь в XVI в.

Анализируя причины возникновения и развития феномена отставания (отсталости) стран Востока, а также ряд свидетельств, описаний и исследований, можно сделать вывод, что для этих стран в XII — XIX вв. была характерна сравнительно высокая или даже возрастающая степень нестабильности воспроизводственного процесса: резкие перепады в численности населения, уровнях производства, объемах используемых ресурсов.

Ведущие страны Востока, находясь в зоне повышенных социально-естественных рисков, испытали во втором тысячелетии чрезвычайно жестокие природные и экологические шоки, вызванные засухами, наводнениями, землетрясениями, эпидемиями и пандемиями, масштабы которых, по мнению специалистов, в отдельные периоды Средневековья и Нового времени превосходили размах аналогичных потрясений в Западной Европе.

В XIV—XIX вв. частота крупных засух и наводнений в долине Хуанхэ, обусловленных не в последнюю очередь антропо-

генными факторами, увеличилась по сравнению с VIII-XIII вв. в 4 раза. В мамлюкском Египте (1250—1517 гг.) стихийные бедствия экстраординарного масштаба происходили столь часто, что относительно "нормальными" можно считать лишь 117 лет из 267-летнего периода правления мамлюков.

Весьма важное значение имели также долговременные климатические изменения, приводившие в некоторых случаях к резкому ухудшению ведения хозяйства на обширных территориях. В ряде стран и субрегионов совокупный эффект отмеченных факторов оказал, быть может, решающее воздействие на изменение долговременной динамики макроэкономических показателей (особенно на Ближнем Востоке).

Особую роль играли социальные потрясения, связанные с опустошительными набегами кочевников, которые сильно разрушили человеческий и материальный компоненты **производительных сил** стран Востока. К примеру, монголами в XIII в. и маньчжурами в XVII в. Было уничтожено во время становления своего господства соответственно 1/3 и 1/6 часть китайского населения. В результате завоеваний кочевники к началу (или в начале) второго тысячелетия установили, а потом неоднократно "возобновляли" свое господство во всех трех крупнейших субрегионах Востока, воспроизводя, где это им удавалось, периферийные, архаичные формы хозяйствования. При этом временами усиливались тенденции к ослаблению горизонтальных связей в обществе, подавлению индивида, консервации традиционных институтов, ограничивавших импульсы к развитию, а также превалированию непроизводительных, в том числе разрушительных и паразитических, функций государства над созидательными.

Вследствие природных катаклизмов, военных разрушений, требовавших больших восстановительных работ, и значительного фонда возмещения грабежей и экспроприации, а также паразитизма деспотов и их сатрапов размеры накопления на Востоке — и это парадоксально, учитывая крупные абсолютные и относительные объемы прибавочного продукта, — были в целом крайне невелики. Например, в могольской Индии даже в наиболее благоприятные времена доля накопления в национальном доходе не превышала, по имеющимся оценкам, 1%.

На Востоке фактически было создано общество с преобладанием вертикальных командных импульсов и связей, самодо-

влюющее и тоталитарное по характеру, которое не могло конкурировать с создавшейся на Западе рыночной конкурентной экономической моделью, приведшей его на путь индустриализации и **современного экономического роста**. К этому следует добавить неизмеримо больший, чем в Европе, размах хищничества и паразитизма восточных правителей. Рента и налоговые изъятия в Китае, Индии, Иране и ближневосточных государствах эпохи Средневековья и Нового времени достигали 40—50% собранного урожая, а в целом эти изъятия составляли не менее 15—20% их ВВП. Следует учесть и огромные расходы на содержание армий, которые могли достигать еще 12—15% ВВП.

В отличие от Запада восточные правители со временем стали ограничивать частную инициативу, усматривая в ней (что естественно!) опасность собственному существованию, диктаторскому режиму, и всячески наращивать не только идеологическое и военно-политическое давление на своих подданных и ближайших соседей, но и полный произвол своего всевластия, что порождало в конечном счете некомпетентность, инертность и бездеятельность.

В таких условиях основная часть жителей азиатских стран приспособлялась к нестабильной и в целом неблагоприятной социально-экологической обстановке путем своеобразных демографических инвестиций, осознанно или неосознанно стремясь к увеличению численности детей. Этот механизм социодемографической "компенсации", действовавший более или менее эффективно на протяжении многих столетий, вызывал серьезные экономические, экологические и социально-политические последствия.

Демографические "взрывы", подобные тем, что произошли в Китае в XVIII — первой половине XIX в., приводили в конечном счете к распашке всех возможных земель (включая неудобья), сведению лесов, ограничению поголовья скота, "конкурировавшего" с населением за ресурсы, а также тормозили распространение трудосберегающих технологий. По имеющимся оценкам, показатель **капиталовооруженности труда** в минском и цинском Китае в целом имел тенденцию к сокращению — его среднегодовые темпы изменения составили в 750-800/1050-1100 гг. 0,35-0,45%, в 1100-1400 гг. - 0,25-0,30%, а в 1400-1600, 1600-1800 и 1800—1900 гг. - отрицательную величину: —0,1; -0,2 и —0,15 % соответственно. При-

чем если в VIII—XI вв. доля **интенсивных факторов экономического роста** достигала 25—35%, то на протяжении последующих семи столетий этот показатель был в целом отрицательным, равным примерно —15—25%.

Таким образом, во многих крупных странах Востока и в Китае к моменту появления европейских и иных (например, японских) колонизаторов в целом наблюдался общественно-экологический кризис, в значительной мере обусловленный длительным экстенсивным использованием естественных (природных и трудовых) ресурсов в ущерб наращиванию исторически созданных рукотворных, т. е. материальных, социальных и духовных **производительных сил**.

В отличие от большинства стран Востока западноевропейским странам во втором тысячелетии, в том числе в доиндустриальную эпоху, удалось обеспечить более быстрый экономический рост, связанный в значительной мере с генезисом интенсивного типа производства.

Осуществление "европейского чуда" оказалось возможным по ряду обстоятельств. Отчасти благодаря географическим факторам западноевропейцы, как известно, сумели в целом избежать деструктивных социально-политических шоков, связанных с завоеваниями кочевников. В то же время многократные попытки объединить Европу изнутри силовыми способами в конечном счете терпели неудачу. Под влиянием различных факторов, многие из которых еще требуют уточнения, в Западной Европе постепенно сложилась своеобразная (быть может, уникальная) система более или менее равновесных конкурентно-контрактных отношений, препятствующая образованию губительной для прогресса монополии власти. Сформировались относительно независимые, децентрализованные источники силы и влияния: церковь, города, феодалы, гильдии, университеты.

В обстановке довольно острой внутренней и внешней конкуренции государство в западноевропейских странах оказалось вынуждено учитывать интересы не только "верхов", но и "низов": оно не только грабило подданных, но и предоставляло им определенные экономические, социальные, политические и правовые услуги. Иными словами, западноевропейскому государству, в отличие от его восточных аналогов, были в сравнительно меньшей степени присущи черты произвола и

паразитизма. В силу этого обществам ряда стран Запада в позднее Средневековье и Новое время удалось аккумулировать немалую социальную энергию, необходимую для трансформации их отсталых экономических систем, запуска механизма общественного саморазвития.

Несмотря на бедность преобладающей массы населения, паразитизм основной части светских и духовных феодалов, частые войны, стихийные бедствия, пожары, западноевропейское общество в Средние века и Новое время в целом обеспечило известный рост массы и нормы накопления. Этому способствовали отмеченные выше социально-институциональные особенности европейского сообщества: развертывание индустриализации, сопровождавшейся освоением ряда собственных нововведений и применением технических и технологических изобретений других, в том числе азиатских, народов; рост свободных городов, региональной и межстрановой торговли; секуляризация церковной собственности, расширение практики огораживания.

Немалую роль в создании предпосылок для роста капиталонакопления сыграли такие факторы, как повышение степени имущественной и личной безопасности купца и ремесленника; активизация предпринимательской деятельности вследствие реформации и распространения протестантской этики; укрепление позиций "третьего сословия" в ходе буржуазных революций и реформ; колониальная экспансия европейских государств.

Обобщая оценки ряда исследователей, можно утверждать, что норма капиталовложений в странах Западной Европы увеличилась с 3-4% в XI—XIII вв. до 5-7% в XVI-XVIII вв. Опираясь на эти данные, а также ретроспективные оценки западных исследователей темпов роста основного капитала в Германии и Англии, можно сделать вывод, что в XI—XVIII вв. средняя **фондовооруженность труда**, а также его **энерговооруженность** увеличилась примерно в 3 раза. По ориентировочным оценкам, в странах Западной Европы среднее число отработанных часов на одного занятого в год возросло с 2100—2300 часов во II—IV вв. н. э. до 2400-2600 в XII-XIII вв. и до 2700-2900 часов в конце XVII - середине XVIII в.

В позднее Средневековье жители многих западноевропейских стран стали более жестко придерживаться некоторых рациональных принципов регулирования рождаемости и пла-

нирования семьи, практикуя в зависимости от обстоятельств безбрачие (в среднем от 1/10 до 1/4 населения брачного возраста не имели семьи), более поздние браки, а также ограничение числа детей. Эти особенности демографического поведения жителей Западной и прежде всего Северо-Западной Европы в немалой мере способствовали увеличению сбережений, социальной мобильности населения, повышению его квалификационного и образовательного уровня. По оценкам, существенно повысилась грамотность взрослого населения. Если в XI в. грамотное население составляло не более 1—3%, то к концу XVI в. — 10 и к началу XIX в. — 44-48%.

В доиндустриальной Европе произошли и другие важные изменения. Например, судя по оценкам ряда исследователей, доля занятых в сельском хозяйстве сократилась с 80—84% в XI в. до 62-66% в 1800 г.

Имеющиеся данные о структуре совокупного **производительного капитала** позволяют предположить, что если в средневековье происходило замещение природных производительных сил в основном **живым трудом** и лишь отчасти физическим капиталом, то в прединдустриальные столетия картина изменилась: живой труд активно замещался физическим (основным), т. е. невещественным, капиталом. Таким образом, в доиндустриальных обществах Запада происходило относительно быстрое наращивание материально-вещественных компонентов производительных сил. Но наиболее высокими темпами увеличивались энергоинформационный потенциал человеческого фактора и средства коммуникации, что, думается, явилось ключевым моментом успеха западной модели развития.

В целом в доиндустриальный период (XI—XVIII вв.) совокупный ВВП крупных стран Запада вырос более чем в 15 раз, в то время как в Китае — в 3,5—4 раза, в Индии — в 2 раза, а на Ближнем Востоке, возможно, сократился примерно на 1/4—1/3. Тем не менее к началу XIX в. суммарный производительный и потребительный потенциал Востока оставался по-прежнему весьма внушительным. По **экономической мощи** Китай вдвое превосходил крупные страны Запада, которые в совокупности уступали и Индии.

Характеризуя качественные составляющие экономического роста, надо отметить, что Запад добился сравнительно крупных успехов еще до начала так называемого современного эконо-

мического роста. В XI—XVIII вв. примерно 1/3 прироста ВВП стран Запада была связана с ростом затрат ресурсов. Отставая по общему уровню развития от ведущих азиатских государств па рубеже первого—второго тысячелетий в 2,4—2,6 раза, западноевропейские страны к началу промышленного переворота превзошли их по этому показателю уже почти вдвое, в том числе в 3,0—3,5 раза по уровню грамотности взрослого населения.

2.2. Генезис современного экономического роста

Промышленный переворот в ныне развитых капиталистических странах (конец XVIII — начало XX в.) привел к радикальному (в 5—6 раз) ускорению общих темпов их экономического роста по сравнению с соответствующими показателями эпох Возрождения и Просвещения (с 0,3—0,5% в год в XVI—XVIII вв. до 2,0-2,2% в XIX - начале XX в.).

Несмотря на существенный рост численности населения, многократно (в среднем в 7—12 раз) увеличились темпы роста душевого ВВП. В период "промышленного рывка", занимавшего в каждой из шести ныне крупных развитых стран мира два-три поколения (40—60 лет), они достигали в среднем 1,4—1,5% в год. К тому же экономический рост ныне развитых государств в период промышленного переворота был более сбалансированным и имел более широкую основу, чем это принято считать. В немалой мере он был связан с подъемом сельского хозяйства, происходившим во всех рассматриваемых странах, за исключением США, на базе его интенсификации.

Быстрая трансформация экономики стран Запада и Японии определялась не только масштабами вытеснения прежних форм производства, но и достижением органического синтеза современных и наиболее продуктивных из числа традиционных факторов роста, роль которых в становлении **индустриальной цивилизации** и придании ей относительной устойчивости оказалась весьма значительной.

Однако вопреки широко распространенным представлениям, основанным на данных о динамике выпуска продукции в современных отраслях индустрии, общие темпы роста промышленного производства ныне развитых государств в период промышленной революции (2,7—2,9% в год в 1800—1913 гг.) были хотя и существенно выше, чем в доиндустриальную

эпоху, но примерно вдвое ниже показателей, часто публиковавшихся в учебниках и хрестоматиях по экономической истории. При этом в отличие от сельского хозяйства, развивавшегося, как уже отмечалось, во многом на основе интенсивных факторов, вклад экстенсивных факторов в прирост продукции промышленности достигал в среднем $\frac{3}{4}$.

При всей значимости внешних факторов, в том числе экспорта, в увеличении ВВП крупных ныне развитых капиталистических стран на отдельных, особенно начальных, этапах их **индустриализации** наиболее весомый вклад (5/6) в ускорение экономической динамики западноевропейских стран и Японии, по расчетам, был обусловлен развитием их внутреннего рынка. При этом роль колониальных и зависимых стран в качестве рынков сбыта европейских и американских товаров была в целом весьма ограничена: в 1800—1938 гг. в этих странах реализовывалось не более 1,5—3,0% совокупного ВВП ныне развитых капиталистических стран. Норма капиталовложений возросла на этапе перехода от доиндустриальной к индустриальной экономике примерно вдвое: с 5,7% ВВП в XVI в. до 12-14% в XVIII в.

Отметим, что в целом роль внешних источников финансирования развития стран Запада и Японии в период промышленного переворота была относительно невелика, тем не менее на начальных этапах первичной индустриализации внешний финансовый и технологический импульсы были все же существенными. Однако вклад фактора эксплуатации колоний в развитие экономики стран Запада был все же намного меньше того, каким его считают некоторые леворадикальные ученые марксистского толка.

В XIX — начале XX в. средняя фондовооруженность труда в целом по шести крупным ныне **развитым государствам** возросла в 6,3—6,7 раза, а его производительность — в 3,5—4,0 раза. Произошли и другие важные структурные и качественные изменения. В частности, доля занятых в аграрном секторе сократилась с 65—67% в 1800 г. до 38-40% в 1913 г.

Наряду с увеличением основного капитала существенно наращивался **человеческий капитал**. Среднее число лет обучения взрослого населения увеличилось с 1,5—2 до 6—8 лет, или примерно в 4 раза. Но с учетом увеличившейся продолжительности "школьных лет" в среднем на 30—40% и возможной

недооценки повышения качества образования реальный рост человеческого капитала был намного большим. Это означает, что уровень *качества рабочей силы* повышался опережающими темпами по сравнению с ростом капиталовооруженности труда. Так, в 1800—1913 гг. в структуре **национального богатства** стран Запада доля основного капитала возросла примерно в 1,5 раза (с 13 до 20%), а удельный вес накопленных вложений в образование, здравоохранение и науку — почти втрое (с 3,5 до 9%). В Японии в 1885—1938 гг. соответствующие изменения были еще более значительными: первый показатель возрос с 14,7 до 20,7%, второй — с 5,1 до 11,3%.

Имеющиеся оценки по главным странам Запада и Японии показывают, что экономический рост этих стран в период промышленного переворота носил, вопреки встречающимся в литературе суждениям, во многом экстенсивный характер: доля интенсивных факторов составляла в целом 35—40%. Наибольших успехов в период промышленного переворота добились США, Германия и Япония. Эти страны постепенно преодолели сырьевую полупериферийную специализацию своих экономик благодаря последовательной реализации национальных стратегий развития, серьезным институциональным реформам, компетентным действиям государства, его дозированному интервенционизму, направленному на формирование эффективных механизмов созидательной конкуренции, а также форсированному наращиванию инвестиций в наиболее передовые средства производства, коммуникации, а главное, в человеческий капитал: образование, науку, культуру.

Покорение и освоение европейскими и японскими колонизаторами стран Востока и Юга нанесло в целом ощутимый удар по их архаичным социально-экономическим системам и сопровождалось немалыми жертвами для коренного населения. Вместе с тем межцивилизационное взаимодействие, обусловившее становление мирового рынка, придало определенный импульс развитию этих стран, связанный с передачей новой техники, производственного и управленческого опыта.

По окончании периода упадка и стагнации, продолжавшегося в целом до последней трети или четверти XIX в., в колониальных и зависимых странах обозначилось увеличение темпов роста населения и ВВП. В 1870—1950 гг. в ряде крупных и средних стран Востока и Юга экономический потенциал

вырос в 2,1—2,3 раза, т. е. лишь ненамного меньше, чем за первые восемь столетий второго тысячелетия (примерно в 2,4—2,8 раза). Произошло также некоторое повышение душевого дохода, правда, оно еще в слабой мере затронуло основную массу коренного населения и к тому же в ряде афро-азиатских государств было прервано в период кризиса и депрессии 1930-х годов и Второй мировой войны.

Уровень развития периферийных стран, стагнировавший в 1800—1870 гг., впервые стал понемногу повышаться в основном за счет некоторого улучшения ряда социально-культурных показателей. В 1870—1950 гг. этот уровень в целом по шестерке крупных и средних стран будущего **третьего мира** увеличился примерно на 2/3 (в Бразилии и Мексике — более чем вдвое, в Китае и Индии — на 50—60%, в Индонезии и Египте — на 90%). Но при этом увеличился и разрыв между ведущими капиталистическими державами и периферийными странами по душевому ВВП с 3,0:1 в 1870 г. до 5,1:1 в 1913 г. и 8,1:1 в 1950 г.

Экономический рост колониальных и зависимых стран был в целом крайне нестабильным, диспропорциональным и, несмотря на интенсивную эксплуатацию природных и трудовых ресурсов, имел, за редким исключением (главным образом будущих новых индустриальных стран — НИС), преимущественно экстенсивный характер. За счет затрат используемых ресурсов в конце XIX — первой трети XX в. обеспечивалось в среднем не менее 70—75% (без учета будущих НИС — около 4/5) прироста реального ВВП. Во многом это было связано с тем, что модернизация, ограниченная по своим масштабам, не привела к сколько-нибудь существенному качественному переустройству обширных пластов традиционных обществ.

2.3. Тенденции и противоречия экономического роста в послевоенный период

В послевоенный период в развитии мировых производительных сил обозначились большие качественные сдвиги, произошло существенное, хотя в целом далеко не равномерное их ускорение в различных регионах мирового сообщества. Несмотря на тяжелые испытания, в том числе глобальные, структурные и экономические кризисы (а отчасти, возможно,

благодаря им), капитализм как саморазвивающаяся, самокорректирующаяся система не только выстоял, но и усилил свою жизнеспособность, обретя ряд новых черт и адаптационных свойств, связанных прежде всего с развитием рыночного механизма и ускорением НТП.

В результате реформ и преобразований важнейших социально-политических институтов в развитых капиталистических странах, усиления процессов интеграции, интернационализации, государственного и межгосударственного регулирования экономики, совершенствования конкурентного механизма значительно возросла мобильность товаров, услуг, рабочей силы, капиталов, технологий и информации. Заметно повысились общие темпы экономического роста, которые с 1950 по начало 1990-х годов в целом по группе крупных развитых капиталистических стран составили 3,5—3,6% в год, а совокупный объем произведенных товаров и услуг в расчете на душу населения возрос более чем в 3 раза. Произошло существенное сближение относительных уровней развития производительных сил.

Так, в 1950 г. средний невзвешенный показатель производительности труда в Великобритании, Франции, Германии, Италии и Японии составлял лишь 35% уровня США, в 1973 г. он достиг 60—61%, а в начале 90-х годов — 77—78%. В определенной мере это было связано с подтягиванием Западной Европы и Японии до американского "стандарта" фондовооруженности труда. К 1990 г. Германия, Япония и Франция по фондовооруженности труда даже опередили США.

Важнейшим направлением рационализации хозяйственных систем развитых стран в послевоенный период стала особая форма **интенсификации труда**, которая основывалась не столько на экономии фонда оплаты труда, сколько на повышении качества труда, усилении его мотивации, увеличении гибкости и мобильности рабочей силы, значительном росте ответственности, дисциплинированности и профессионализма работников.

Общие учтенные расходы на здравоохранение, образование и науку возросли в среднем по шести ведущим капиталистическим странам с 2,5-2,7% ВВП в 1910-1913 гг. до 7,6-7,8% в 1950 г. и 16,5-16,7% в 1990—1991 гг. Средняя продолжительность жизни увеличилась с 50 лет в 1913 г. до 66 в 1950 г. и 77 в 1993 г., а среднее число лет обучения взрослого населения — соответственно с 7,3 до 10 и 14 лет.

В ведущих капиталистических странах улучшение структуры общественного производства, качественное совершенствование его ресурсных составляющих, увеличение не вещных компонентов накопления и богатства, применение многообразных организационных и технологических нововведений, отражающих значительные темпы НТП послевоенных десятилетий, обусловили заметное повышение доли интенсивных факторов производства — примерно в полтора раза по сравнению с соответствующим показателем эпохи промышленного переворота, достигнув в среднем по шестерке главных капиталистических стран 58—70%.

Результаты экономического роста развивающихся государств неоднозначны и весьма противоречивы. В 50—80-х годах несколько десятков развивающихся стран, где было сосредоточено не менее 2/3-3/4 населения и ВВП периферийной зоны мирового капиталистического хозяйства, преодолевая немалые проблемы и сложности, сумели добиться существенных, хотя и не вполне устойчивых успехов в экономическом развитии.

Проведение ряда реформ и преобразований, мобилизация собственных ресурсов, широкое использование капитала, опыта и технологий развитых государств — все это привело к тому, что процесс относительно быстрой модернизации охватил не только маленьких и средних "тигров" (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея, Малайзия, Таиланд, Турция и др.), но и таких гигантов, как КНР, Индия и Индонезия, которые заметно активизировались в 70—90-е годы.

В результате значительно ускорилась экономическая динамика **третьего мира**: если в 1900—1938 гг. душевой ВВП в периферийных странах возрастал в среднем ежегодно на 0,4—0,6%, то в 1950—1993 гг. — уже на 2,6—2,7%. Конечно, не во всех слаборазвитых государствах экономическая результативность была столь впечатляющей. Но средневзвешенный показатель по "третьему миру" более чем вдвое превысил соответствующий параметр для стран Запада эпохи промышленного переворота и в целом соответствовал послевоенным показателям душевого роста ВВП в капиталистических центрах. При этом некоторые показатели, характеризующие нестабильность, несбалансированность и диспропорциональность развития, в быстро модернизирующихся странах "третьего мира" оказались в сред-

нем не выше уровня капиталистических государств на этапе их "промышленного рывка" в послевоенный период.

Крупным достижением **развивающихся стран** является существенное увеличение нормы капиталовложений — с 6—8% ВВП в 1900-1938 гг. до 21—23% за 1950-1993 гг. Это произошло главным образом за счет внутренних — как частных, так и государственных — источников финансирования, тогда как доля иностранного капитала составила в среднем не более 10—15%. Последний показатель был не выше, чем в странах "второй волны" капиталистической модернизации (Северная и Южная Европа, Канада, Австралия, Япония), осуществлявших индустриализацию в конце XIX — первой трети XX в.

В 80-х годах общий фонд развития периферийных государств, включающий обычные капиталовложения, а также текущие расходы на образование, здравоохранение и НИОКР, достиг в среднем 28—30% ВВП. В 1950—1990 гг. в структуре национального богатства рассматриваемых здесь крупных развивающихся стран доля основного капитала возросла примерно вдвое (с 15 до 31%), а человеческого невещественного капитала — втрое (с 3 до 9%).

В странах "третьего мира" удвоился вклад интенсивных составляющих экономического роста: если в 1900—1938 гг. за счет этих факторов обеспечивалось 16—18% прироста ВВП, то в 1950—1993 гг. — примерно 32—34%. Имеющиеся оценки показывают, что на этапе современного экономического роста в крупных развивающихся странах 20—24% прироста их ВВП обусловлено повышением качества труда и основного капитала (на первый компонент приходится от 1/6 до 1/5) и примерно 10—12% — передислокацией основных учтенных ресурсов из отраслей с низкой в отрасли с более высокой эффективностью использования ресурсов.

Вопреки многим пессимистическим прогнозам развивающиеся страны достигли в целом существенного, хотя еще и неустойчивого прогресса в социально-культурной сфере. Так, в странах "третьего мира" доля населения, живущего за чертой бедности, сократилась с 45—50% в 1960 г. до 24—28% в 1990 г. Существенно повысился уровень грамотности взрослого населения — с 14—15% в 1990г. до 28% в 1950г. и 69% в 1993 г., а среднее число лет обучения — с 1,6 до 5,8 (в расчет

приняты крупные развивающиеся страны). В странах Востока и Юга показатель средней продолжительности жизни в 1800—1913 гг. не превышал 26—28 лет, но за 1950—1993 гг. он вырос почти вдвое: с 35 до 64—66 лет.

Подтягивание ряда крупных развивающихся стран по некоторым важнейшим показателям развития человеческого фактора к уровню ведущих капиталистических государств происходило в основном в послевоенный период, и, пожалуй, быстрее, чем по собственно экономическим параметрам. В 1800—1913 гг. страны Запада и Япония по темпам изменения индекса развития обгоняли страны Востока и Юга в 2,5—3 раза, в 1913—1950 гг. — примерно в 1,5—2 раза, а в послевоенный период крупные периферийные государства в 1,5—2 раза опережали по темпам изменения индекса развития ведущие капиталистические страны. В результате разрыв в уровнях социально-экономического прогресса, измеренного с помощью индекса развития, впервые стал заметно сокращаться: если в 1950 г. он составлял 1:4,5, то в 1993 г. — уже 1:2,8.

В последние годы развивающиеся страны осуществляют активную экспансию во внешней торговле. Согласно данным американской издательской фирмы "МакГроу-Хилл", с 1985 по 1996 г. рост экспорта из развивающихся стран составил 217%, в то время как мировой экспорт увеличился на 94%, а экспорт из промышленно развитых стран — на 70%. Некоторые из развивающихся стран стали гигантами внешней торговли. Бразилия, например, является крупным экспортером целлюлозно-бумажной продукции, самолетов, легкого вооружения, соевых бобов. Индия — крупный поставщик на мировой рынок стали, химикатов, фармацевтической продукции, компьютерных программ.

Главным преимуществом развивающихся стран в конкурентной борьбе на мировом рынке является низкий уровень затрат на оплату труда.

Однако в 80-х — начале 90-х годов во многих латиноамериканских и африканских странах существенно замедлилась экономическая динамика. В результате число сравнительно быстро растущих развивающихся стран сократилось примерно с 50 в 60—70-х годах до 20. Но на эти страны по-прежнему приходится 50—60% населения и ВВП "третьего мира". Ряд крупных и средних стран (КНР, Индия, Индонезия, Турция,

Таиланд, Пакистан, азиатские НИС) провели эффективные реформы хозяйственного механизма и, как уже отмечалось, активизировали свой экспортный потенциал. При этом как менее, так и более "удачливые" развивающиеся государства испытывали значительные экономические трудности, связанные с внушительными размерами внешней задолженности, оттоком и неравномерным распределением по странам иностранного капитала, нестабильностью экспортных цен, ухудшением экологической ситуации. В странах "третьего мира" насчитывается около 1,2 млрд человек, живущих ниже порога бедности (в том числе 500 млн в Азии и 300—370 млн в Тропической Африке), более 900 млн неграмотных. Сохраняются значительные социальные контрасты, а дифференциация доходов и потребления в ряде периферийных стран продолжает углубляться.

В особенно бедственном положении оказался, за несколькими исключениями, регион Тропической Африки. Голод, нищета, болезни, этнические и межгосударственные конфликты, проявления геноцида — таков далеко не полный список человеческих трагедий, жертвами которых оказались десятки, а может быть, и сотни миллионов людей. Применительно к ним сами понятия "экономический рост", "наращивание человеческого капитала" теряют всякий смысл. **Мировое сообщество** так или иначе столкнется с необходимостью решения острейших проблем жизнеобеспечения в этих странах. Таково одно из реальных противоречий современного мира.

Было бы, однако, неправильно не видеть и того, что в целом, несмотря на трудности, сбои и движения вспять, несколько десятков развивающихся стран сумели встать на рельсы современного экономического роста. Сделаны пока еще только первые шаги. Для создания более гибких, адаптивных социально-экономических систем необходимы рациональные действия государства по демонтажу неэффективных структур, адаптации традиционных и формированию современных институтов, приватизации и постепенной либерализации основных сфер народного хозяйства, а главное — по максимальному развитию разнообразных форм предпринимательства, раскрепощению созидательной инициативы людей. Привлечение *транснациональных корпораций* (ТНК), а следовательно, использование передового опыта, технологий и коммерческих связей стран

Запада должны органично сочетаться с максимальной мобилизацией внутренних резервов, уменьшением непроизводительных расходов, сокращением непрестижных и малоэффективных проектов, со значительно большей концентрацией ресурсов на развитии собственно человеческого фактора, инвестиции в который, как показывает исторический опыт более развитых, а также быстро развивающихся стран, намного эффективнее, чем обычные капиталовложения.

Итак, в результате генезиса исторически созданных производительных сил, их *диверсификации* и усложнения происходило сначала крайне медленное, противоречивое, затем более быстрое вызревание интенсивного типа воспроизводства, характеризующегося — в тенденции — снижением ресурсоемкости экономики (не исключаяющей, впрочем, а предполагающей относительное расширение затрат нетрадиционных видов ресурсов), повышением роли социальных и духовных элементов производительных сил, а также существенным, хотя и далеко не равномерным ускорением темпов экономического развития.

В доиндустриальный период (1000—1800 гг.) душевой ВВП стран Запада возрос примерно в 2—3 раза, а на Востоке (Китай, Индия, Египет) он, возможно, сократился в среднем на 1/5. В эпоху промышленного переворота (1800—1950 гг.) в крупных ныне развитых странах указанный показатель увеличился почти в 6 раз, а по шести крупным странам Востока и Юга (Китай, Индия, Египет, Сирия, Пакистан и Бангладеш) — в среднем лишь на 1/7.

В послевоенный период ускорение экономического роста в значительной мере охватило также страны "третьего мира". В 1950—1993 гг. в крупных развивающихся странах душевой ВВП вырос в 3,6 раза, а в крупных развитых — в 3,1 раза. В целом за период, охваченный расчетами (1000—1993 гг.), совокупный ВВП ныне развитых стран увеличился примерно в 1540 раз (в крупных странах Востока и Юга — в 50 раз); душевой ВВП вырос соответственно в 40—43 и 3,0—3,5 раза; в ныне развитых странах **индекс развития** возрос в 30 раз, а в целом по крупным странам Востока и Юга — примерно в 4 раза. Наконец, эффективность использования ресурсов в первой группе стран увеличилась в 10—13 раз, а во второй — лишь в 1,3 раза.

Отмечая медленные, эволюционные изменения в досовременных обществах, мы тем не менее полагаем, что их экономические и социальные системы были отнюдь не статичны и "пассивны".

Во-первых, этим обществам, причем в большей мере Востоку, чем Западу, была присуща значительная, намного превосходящая современные масштабы неустойчивость воспроизводства, обусловленная, как отмечалось выше, природными и социальными факторами. Колоссальные общественные силы, труд множества людей и богатство общества расходовались на устранение или предотвращение различных катастроф и кризисов. Во-вторых, досовременные общества обменивались в ходе внутривизитационных и межвизитационных контактов разнообразными инновациями, темпы распространения которых со временем стали постепенно ускоряться.

В силу природных и исторических факторов страны Востока в целом оказались к началу второго тысячелетия сравнительно более развитыми, чем западные, расположенные на периферии Евразии, вдали от тогдашних центров мировой цивилизации. Однако к концу второго тысячелетия именно на Западе сложились необходимые и достаточные условия для реализации догоняющего, а затем и перегоняющего развития в результате определенной комбинации всей системы естественных, материальных, социальных и духовных производительных сил. При этом приоритетное развитие социальных и духовных компонентов производительных сил, человеческого фактора оказалось в конечном счете решающим в европейском феномене "раскованного Прометея".

Успехи стран Запада и Японии базировались также на развитии товарно-денежных отношений, предпринимательской инициативы. После Второй мировой войны страны Запада и Япония опробовали **кейнсианские** и **монетаристские** модели государственного регулирования экономики. Но никогда государство не брало на себя определяющую и направляющую роль в развитии экономических процессов, выполняя лишь функцию индикативного, т. е. указующего, регулирования и стимулирования производства. В последнее время победу одержала **либеральная модель** стратегии государственного регулирования экономики с опорой на свободу рыночных отношений и предпринимательства.

Страны Востока все более вовлекаются в русло современного экономического роста. В послевоенный период многие из них стали проводить индустриализацию. Но нигде этот процесс не проходил за счет сельского хозяйства, как в бывшем СССР. Наоборот, капиталы, созданные в сельском хозяйстве, а затем в легкой и пищевой промышленности, использовались для осуществления промышленного переворота и развития тяжелой промышленности.

Нисколько не идеализируя историю Запада (т. е. признавая его обреченность на развитие через бесконечные метаморфозы), мы не хотели бы излишне драматизировать печальную, но вовсе не безысходную судьбу Востока. Трансформация "восточных" систем в современные формы производства и общения (необязательно западные, но перспективные) займет немало времени, хотя с учетом опыта Японии, Южной Кореи, Китая не больше, чем потребовалось во втором тысячелетии Западу для достижения "восточного" уровня экономического развития (не менее пяти веков) и эффективности общественного производства (семь-восемь столетий).

При этом многие ресурсные ограничители, экологические, а также некоторые социально-экономические депрессанты (безработица, старение населения и др.), с одной стороны, и расширение взаимодействия с передовыми странами (трансферт опыта, технологий, демонстрационный эффект) — с другой, могут способствовать — в тенденции — более быстрому, чем это было в экономической истории ныне развитых государств, формированию интенсивного, ресурсосберегающего типа воспроизводства, основ постиндустриальной цивилизации. Вопреки ряду алармистских, т. е. тревожных, прогнозов уже накопленные (хотя полностью далеко не реализованные), а также будущие потенции интенсивного развития ряда азиатских, латиноамериканских и ближневосточных стран "третьего мира" представляются достаточно внушительными.

Выводы

1. В далеком прошлом страны Востока добивались более значительных результатов, чем страны Запада. Однако со временем они теряли свои преимущества, так как отставали от Запада в использовании интенсивных факторов экономического роста, в частности человеческого капитала.

2. Большую роль в успешном развитии экономики стран Запада играла религия, особенно протестантская.
3. Ограничение частной инициативы, торговли, изоляционизм сыграли негативную, тормозящую роль в экономическом развитии стран Востока.
4. Промышленная революция в странах Запада, начавшаяся с конца XVIII в., привела к радикальному ускорению темпов их экономического развития и резкому отрыву от стран Востока.
5. Увеличение темпов роста ВВП стран Востока началось лишь с конца XIX в.
6. Современный Запад перешел на интенсивные темпы экономического развития, страны Востока (за исключением Японии) пытаются встать на тот же путь, однако процесс этот осуществляется не гладко. Финансовый кризис в Азии в конце 1997— начале 1998 г. — лишнее тому доказательство.

Термины и понятия

Азиатский способ производства	Производительные силы
Демографические факторы	Производительный капитал
Диверсификация	Промышленная революция
Живой труд	Развивающиеся страны
Индекс развития	Развитые страны
Индустриализация	Рента
Индустриальная цивилизация	Современный экономический рост
Инновация	Стагнация
Интенсификация труда	Транснациональные корпорации
Инфраструктура	(ТНК)
Капиталовооруженность труда	"Третий мир"
Кейнсианство	Факторы экономического роста
Монетаризм	Фондовооруженность труда
Национальное богатство	Человеческий капитал
Новые индустриальные страны (НИС)	Экономическая мощь
Основной капитал	Энерговооруженность труда

Вопросы и задания для самопроверки

1. Как складывалось соотношение сил стран Востока и Запада в доиндустриальную эпоху?
2. Какие причины вызвали стагнацию экономического развития стран Востока в позднем Средневековье?
3. Какие причины вызвали ускорение экономического развития стран Запада в доиндустриальную эпоху?

4. В чем заключался промышленный переворот в конце XVIII — начале XIX в.?
5. Что такое современный экономический рост? Каковы его признаки?
6. Как складывается соотношение сил между развитыми и развивающимися странами в наши дни?
7. Что такое "новые индустриальные страны" и почему они в экономическом развитии вырвались вперед?
8. Какие черты присущи экономическому росту развивающихся стран?
9. Как складывается соотношение между государством и рынком в экономике развитых и развивающихся стран?

Литература

Мельянцеv В.А. Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. М., 2003.

Мельянцеv В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.

Вернуться в библиотеку учебников

Создание и продвижение сайтов